

Рец. на: Н. Rappaport. Caught in the Revolution: Petrograd, Russia, 1917 – A World on the Edge. N.Y.: St. Martin's Press, 2017. 464 p., ill.*

Nikolai Mikhalev

(Institute of History and Archaeology, Ural Division of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg),

Natalia Surzhikova

(South Ural State University, Chelyabinsk; Institute of History and Archaeology, Ural Division of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)

Rec. ad op.: Н. Rappaport. Caught in the Revolution: Petrograd, Russia, 1917 – A World on the Edge. N.Y.: St. Martin's Press, 2017. 464 p., ill.

DOI: 10.31857/S086956870000149-4

Книга Х. Раппапорт «Застигнутые революцией. Петроград, Россия, 1917 год», изданная в 2016 г.¹ в Лондоне, а в 2017 г. выпущенная в Нью-Йорке, повествует о восприятии революционных событий представителями иностранной колонии города. При её подготовке использовались письма, дневники, воспоминания и путевые записки более чем 80 очевидцев, в том числе ранее практически неизвестные. Автор провела большую работу в собраниях Русского архива Лидского университета, архива Лондонской школы экономики, исторических обществ штатов Миссури и Индиана, университетских архивах и библиотеках Гарварда, Манчестера, Чикаго, Принстона и Восточной Англии, Национальной библиотеке Уэльса и Национальном архиве Великобритании, Имперском военном музее в Лондоне и т.д. Уже одно это превращает рецензируемое издание в заметное явление.

Среди очевидцев – не только ожидаемые фигуры дипломатов и журналистов. Это и простые служащие дипмиссий (в частности, шофёр американского посла Д. Фрэнсиса Ф. Джордан, чьи письма – едва ли не единственный известный источник о революции в России, созданный афроамериканцем). Это представители Американского Красного Креста и медсёстры Англо-русского госпиталя (канадка Э. Хиган или англичанка Д. Сеймур). Это банковские клерки и частные предприниматели (служащий Национального городского банка Л. Роджерс, страховой агент Д.Л. Фуллер, американец Н. Фарсон, пытавшийся продать имперской армии мотоциклы, или занимавшийся электрификацией трамвайного сообщения инженер Д. Стинтон Джонс, впоследствии

высланный большевиками из России «в чём был», менее чем с 500 руб. в кармане). Это актриса П. Пакс, выступавшая в составе французской труппы Михайловского театра; друг князя Ф.Ф. Юсупова, специалист по Фаберже арт-дилер Б. Стопфорд; внучка президента У. Гранта княгиня Ю.Ф. Кантакузина-Сперанская; франко-американская авантюристка графиня М. Ностиц; пастор американской церкви в Петрограде Й. Клэр; английский капеллан Б.С. Ломбард, в 1918 г. интернированный большевиками; британский профессор, специалист по лесному хозяйству Э. Стеббинг; Д. Кенни, сопровождавшая в поездке в Россию известную суфражистку Э. Панкхёрст. Их голоса то сливаются в стройный хор, то вырываются из него и звучат на фоне прочих громко и отчётливо.

Обращает на себя внимание то, что среди использованных автором источников преобладают англоязычные, тогда как эго-документы, к примеру, на французском языке употребляются лишь эпизодически. Русскоязычные источники как альтернатива, которая могла бы конкретизировать или проверить наблюдения иностранцев, исследовательницей не привлекались, а работы российских историков отсутствуют в списке научной литературы. Специальные исследования автором востребованы мало и квалифицируются в книге как вторичные источники, хотя, без сомнения, заслуживают большего внимания².

Революционные события в Петрограде являются сюжетообразующими для рецензируемой книги, однако сразу бросается в глаза её эпизодичность, даже мозаичность. Номинально в поле зрения Раппапорт – весь период с февраля по декабрь 1917 г., но внимание

* *Rappaport X.* Застигнутые революцией. Петроград, Россия, 1917 год. – Мир на краю. Нью-Йорк: Издательство Св. Мартина, 2017. 464 с., ил.

сосредоточено на событиях февраля, июля и октября. Всё произошедшее между этими вехами оставлено за рамками описания, что порождает немало вопросов. Прежде всего, выглядит надломленной сюжетная линия. Возможно, автор видела свою роль лишь в том, чтобы устами иностранцев рассказать о приметах Петрограда 1917 г., не обременяя их свидетельства никакими аналитическими построениями. На отсутствие последних указывают ещё и поглавные заголовки, в качестве которых использованы цитаты из источников, лишённые всякой конкретности. Однако это только подчёркивает непрозрачность авторской логики. Эффект усиливается тем, что фактически подённо реконструируются февральские события, которые в результате занимают девять глав книги, тогда как оставшиеся — только шесть, причём эта диспропорция оставлена без объяснений. Возможно, что особенности авторского подхода объясняются уже самой спецификой использованных материалов, например их субъективностью. Однако Раппапорт не уделила внимания характеристике их особенностей, в частности не учла, что одни источники (письма и дневники) создавались синхронно с описываемыми в них событиями, а другие (воспоминания и беллетризованные травелоги) — значительно позже.

Всё это негативно повлияло на повествование, что видно уже из пролога, названного «Воздух был полон разговорами о катастрофе». Читая его, можно сделать вывод, что оказавшиеся в Петрограде к началу 1917 г. иностранцы поголовно были провидцами. Действительно, дипломаты Д. Бьюкенен, Д. Фрэнсис, В. Аудендейк и Р. Локхарт, предприниматель Н. Фарсон, сотрудник Британского бюро пропаганды Д. Гарстин и работавшая в Англо-русском госпитале дочь бывшего генерал-губернатора Канады С. Грэй — все они писали о неминуемом коллапсе императорской России. Так, Локхарт констатировал, что в конце 1916 г. «приближающийся катаклизм был уже у всех в голове и на языке» (р. 20). Между тем автор упустила из виду то обстоятельство, что утверждалось это постфактум, в воспоминаниях. Среди перечисленных на звание пророка могла претендовать, пожалуй, только Грэй. Но и она никаких определённых прогнозов не давала, лишь предположив в своём дневнике, что убийство Распутина — прелюдия чего-то более драматичного (р. 37).

Рецензируемая книга практически с первых страниц вызывает вопросы, и главный из них — о чём она на самом деле? Можно сказать, что она рассказывает про Петроград 1917 г., про иностранцев в нём, про восприятие ими революционных событий — и всякий ответ будет верным, но только отчасти. На наш взгляд,

книга Раппапорт прежде всего представляет собой яркий пример одного из вариантов прочтения эго-источников — исключительно позитивистский и далёкий от критического. Для автора важны сам текст использованных ею свидетельств и их содержательная часть, контекст же создания и возможный подтекст оставлены без внимания. Ставя в один ряд опубликованные и неопубликованные источники, свидетельства, записанные в режиме реального времени и какое-то время спустя, Раппапорт не стремится разобраться в их особенностях (а значит и в специфике авторских позиций и оценок), отказываясь тем самым от создания детализированной и нюансированной ретроспективы. Она выстраивает книгу с точки зрения историка, которому хорошо известен фактологический ряд, однако используемые источники значительно сложнее и отражают события 1917 г. отнюдь не линейно. В частности, во многих из них отдельной темой звучит роль женщин в революции, о которой сама автор умалчивает³. Первая глава, озаглавленная «Женщины восстали в очередях за хлебом», не должна вводить читателя в заблуждение, поскольку посвящена в основном очередям, а не восставшим женщинам.

Автор обошла стороной и тему «русскости», которая выходит за рамки революционной экспозиции, но так или иначе звучит практически в любом из использованных источников и при этом тесно увязана с объяснением необычности и непостижимости перемен. Исключением являются, пожалуй, только размышления американского корреспондента А. Дош-Флеро, в которых он ссылается на французского журналиста Л. Надо: «Россия очаровывает тебя. Ты понимаешь, что ты в другом мире, и ты чувствуешь, что ты должен не только понять его, но и зафиксировать его на бумаге... Ты не узнаешь о России достаточно, чтобы что-то объяснить, пока не пробудешь здесь так долго, пока не станешь наполовину русским. Но тогда ты не сможешь никому ничего рассказать о ней... Ты будешь испытывать искушение сравнить Россию с другими странами. Не делай этого» (р. 28).

Из устойчивых представлений иностранцев о России автор фиксирует только замечания о нестерпимом холоде, который будто бы выступает одним из героев книги. Раппапорт подчёркивает, что о холоде писали практически все иностранцы, и именно он, по их мнению, заставлял людей прибегать к самым отчаянным мерам — вплоть до осквернения кладбищенских могил, деревянные кресты с которых уносились домой для топки печей (р. 45). Однако, встраивая «психоклиматологию» в реалии революционной повседневности, автор лишь воспроизводит стереотипы, не задаваясь вопросом, способствовала ли революция изменению

представлений о России и русских за пределами страны или только подтвердила привычные образы? Между тем, судя по содержанию работы, именно на этом следовало сконцентрироваться в первую очередь.

Петроград пережил глубокие изменения — и не только потому, что блестящая «Астория», в которой предпочитали жить иностранцы, превратилась в казарму и пребывать в ней теперь «было подобно проживанию в монастыре, находившемся в военной зоне» (р. 116). Город изменился, потому что изменились его жители. Прежде всего иностранцев поражаало то, что голодные люди, не имея ни лидера, ни организации, свергли царский режим, будучи готовы умереть за это, если понадобится (р. 63, 87, 103). Импульс, долгое время дремавший в глубинах российского общества, стихия, время от времени находившая выход в крестьянских движениях «как примитивная сила притеснённых классов», обрушилась на давних противников и лишила их власти (р. 116—117, 135—137). И именно лёгкость, с которой пало самодержавие, создала иллюзию приближения мирной революции, говоря о которой, английская медсестра Э. Баверман писала: «Революции, совершённые в такой мирной манере, действительно заслуживают того, чтобы иметь успех» (р. 131). Посол Д. Фрэнсис сообщал в Государственный департамент: «Это была самым лучшим образом проведённая революция среди тех, которые когда-либо имели место» (р. 131).

Однако на самом деле уже в феврале в полной мере проявилась одна из главных черт революции — насилие. Миф о её «бескровности» возник благодаря опубликованной в «Дейли Мейл» 16 марта 1917 г. (по новому стилю) заметке Г. Файфа, в которой говорилось о свержении самодержавия как о «благотворной („милосердной“, „ласковой“) революции», необходимой для того, чтобы избавить Россию от «прогерманских и реакционных элементов» (р. 94). Однако уже в те дни стало небезопасно появляться на улицах без какого-либо признака лояльности, например, красной ленточки. В Англо-русском госпитале сестёр оставляли ночевать, не отпуская в город, а госпитальное начальство было вынуждено вывесить над входом флаг Красного Креста, наскоро сшитый из старых плакатов и шубы Деда Мороза. Некоторых иностранцев даже убили, приняв за шпионов (р. 95). Эскалация насилия привела к тому, что дети разгуливали по городу с оружием, а женщины участвовали в убийствах, буквально голыми руками разрывая тела полицейских на куски (р. 89, 99).

Насилие никуда не делось и позднее, заставив иностранцев поменять свои привычки. Боясь быть ограбленными, они, к примеру,

отказывались от хорошей одежды. Жена американского военно-морского атташе П. Кросли отмечала, что приходилось одеваться во что-то потёртое, дабы не вызвать гнев толпы. П. Пакс пришлось просить у своей горничной изношенные ботинки, которые актриса сама ей когда-то отдала, а меховой воротник заправлять вовнутрь пальто. Дочь британского консула Э. Вудхаус, услышав в трамвае «Долой шляпки!», сошла на следующей же остановке и затем выходила на улицу только с шалью на голове и в старом пальто с оторванной пуговицей (р. 247—248).

Грабежи и убийства превратились в обыденность, заставляя многих жителей покидать город. Приход к власти большевиков только усугубил ситуацию. Ф. Джордан писал, что русские — «сумасшедшие, убивающие друг друга, подобно тому, как мы бьём мух дома», а его начальник признавался, что «не знал места, где человеческая жизнь ценится так дёшево, как сейчас в России» (р. 301, 309). Обильно цитируя источники, автор фактически подводит читателя к выводу о том, что власть насилия была сильнее власти большевиков. Они правили номинально, утверждал, к примеру, Д. Гарстин, на деле властвовал закон толпы, не признававшей никаких законов (р. 313). Ярким проявлением новой реальности виделись шатавшиеся по городу солдаты, в основном пьяные и совершенно непредсказуемые. В результате, по меткому замечанию В. Аудендейка, к зиме 1917/18 г. установился режим «штыкокрации» (р. 306). Лишь действовавший царский запрет на продажу водки спасал от большего разгула убийств и безобразий.

Именно насилие, став едва ли не основной характеристикой революции, превратило её в катастрофу. П. Кросли в этой связи с грустью отмечала: «Россия — чудесная страна, полная света и теней. Хотя прямо сейчас тени имеют преимущество. Печально, что мир должен потерять так много прекрасного, что есть в России, чтобы получить — что? Что-то гораздо более худшее, чем ничего» (р. 322). С этим мнением солидаризировались и другие иностранцы, в частности Л. Роджерс, в последний день 1917 г. записавший: «Будущее в России ужасно даже представить, она не только выпала из этой войны, она на долгое время выпала из нашего мира» (р. 323).

Не говоря прямо о причинах столь безрадостной картины, автор всё же зафиксировала главную из них: недостаток политической культуры, выражавшийся в первую очередь в полном непонимании сущности свободы. Именно свобода, полученная столь легко, оказалась самым тяжёлым испытанием. Большая часть восставших солдат выглядела дезориентированной толпой, не знавшей, что делать, кричавшей

и спорившей «как школьники, сбежавшие с урока». В конечном итоге эта толпа не придумала ничего лучше, как вооружиться до зубов, разгромив Старый арсенал на Литейном проспекте, откуда было выгашено даже иностранное оружие, непригодное к использованию (р. 86–87). Взирая на погромы и пожары с нескрываемым беспокойством, британский военный атташе генерал-майор А. Нокс констатировал, что Петроград уже в феврале «находился на прямой дороге к анархии» (р. 105). Американский журналист И. Маркоссон, приехавший в Россию вскоре после революции, нашёл страну, помешавшуюся от свободы, с которой никто не знал, что делать (р. 146). Ему вторил Д. Стинтон Джонс, полагавший, что русские не готовы к такому избытку свободы — она слишком нова для них, поскольку бедняки не привыкли иметь собственного мнения и оказались совершенно растеряны. Он считал, что России нужно время понять, чего она хочет: «Дракон убит — и не более» (р. 144–145).

Н. Фарсон, работавший на владельцев крупнейшей мельницы Петрограда братьев Торнтонов, заметил, что внезапное освобождение принесло не только растерянность: «Рабочие были подобны овцам, которых выпустили из загона... У них не было ни малейшего представления о том, что значит свобода, большинство из них рассматривало её как приглашение не работать» (р. 147). Врач миссии Американского Красного Креста О. Уайтмен, прибывший в Петроград в июле, увидел примерно то же самое. Русские показались ему толпой детей, внезапно получивших свободу, которая превратилась в распушенность. Он был шокирован повсеместными ленью и безразличием. Казалось, что главным желанием жителей Петрограда было ничего не делать. Дух праздности захватил их настолько, что лишь суровые испытания смогли бы привести в чувство (р. 236–237).

Многие обыватели с самого начала в принципе не понимали, что происходит вокруг. Так, во время февральских событий атташе американского посольства Д. Хафтелинга-младшего поразило то, что в разгар боя обыватели как ни в чём не бывало сновали по Литейному и даже выстраивались в очереди перед булочными. Только пулёмётный огонь заставил их бежать. Многие были сбиты с толку, события, в оборот которых они попали, казались нереальными, «как будто они смотрели какую-то мелодраму в одном из своих синематографов» (р. 90). Но и в конце года обыватели улавливали смысл происходящего лишь отчасти, о чём, к примеру, красноречиво свидетельствовало комичное толкование всё более популярного большевистского лозунга «Мир без аннексий и контрибуций!» По замечанию Дош-Флеро, некоторые

«полагали, что эти слова являются названиями городов и продолжали призывать своих слушателей не дать России захватить Константинополь, Аннексию или Контрибуцию». Горничная Э. Вудхаус восклицала: «Мы хотим мира. Нам не нужны те два румынских города, Аннексия и Контрибуция, мы устали от войны!» (р. 175–176).

Суждения иностранцев показывают, что адекватная оценка происходившего стала проблемой не только для обывателей, но и для новой власти, приведя к формированию политического вакуума. Член миссии Американского Красного Креста, экономист и политик Р. Робинс, оказавшийся в России в середине 1917 г., увидел во Временном правительстве мечтателей, неспособных воплотить в жизнь свои мечты даже теперь, когда они получили власть (р. 237). Показательно, что возглавивший их А.Ф. Керенский не завоевал авторитета у иностранцев, чьи сочинения использует Раппапорт. Пожалуй, только репортёр «Дейли Кроникл» Г. Вильямс считал его меньшим из зол, полагая, что велик он или нет — не важно, важно, что в России нет никого, кто занял бы его место (р. 263). Однако Керенский упустил свой шанс. В августе, наблюдая за ним на государственном совещании в Москве, французский военный атташе Л. де Робьен отметил, что тот, как обычно, произносил блестящие речи, но его красноречие уже никого не убеждало, люди могли пьянеть от слов, но ими было невозможно ни накормить, ни победить анархию. Куда более убедительным выглядел Л.Г. Корнилов, призывавший собравшихся к действию (р. 238).

В сентябре, на Демократическом совещании в Петрограде, всё повторилось, только уже без Корнилова. По замечанию британского журналиста А. Рэнсома, Керенский был единственным, кто выражал энтузиазм по поводу этого собрания (р. 263). Агент британской разведки С. Моэм, прибывший в Россию специально для того, чтобы помешать приходу к власти большевиков, увидел в главе правительства измождённого человека «странно затравленного вида» с «позеленевшим от ужаса лицом» (р. 251–252). Он всё так же обращался «к сердцам, а не к умам» собравшихся, но сорванная в конце речи овация стала для него последней (р. 262–263). Проблема Керенского заключалась в том, что он «больше боялся сделать что-то не так, чем сделать что-нибудь правильно», и поэтому «не делал ничего, пока другие не вынуждали его предпринимать какие-то действия» (р. 273). Так, он искренне полагал, что покончить с большевиками можно будет, только когда они выступят открыто, в противном случае это будет контрреволюцией.

Разбитый болезнью почек и желудка, зависевший от морфина и бренди, министр-председатель явно проигрывал в сравнении с лидерами большевиков. Л. Роджерс, стремясь подчеркнуть контраст между ним и энергичным Л.Д. Троцким, отмечал, что последний мог «всколыхнуть кладбище» (р. 271). Ещё менее выигрышным было сравнение Керенского с В.И. Ульяновым (Лениным). Д. Кенни писала: «Вполне очевидно, что он не являлся равней Ленину, неустойчивому и подавляющему, способному раздавить всё и всех на своём пути» (р. 228). Д. Бьюкенен предупреждал, что лишь большевики имеют чёткую политическую программу, наиболее активны и организованы, и альтернативой Временному правительству может быть только правительство большевистское (р. 265). Дальнейшие события выглядели, по мнению иностранных наблюдателей, как вымученная капитуляция агонизировавшей власти (р. 281). Военно-морской атташе США У. Кросли не без грустной усмешки писал: «Я никогда до этого не видел революции, в которой низлагаемое правительство защищали бы лишь вооружённые женщины и дети» (р. 291).

Большевики вселяли в иностранцев ужас и рассматривались как угроза будущему России. В частности, сотрудник Христианского союза молодёжи американец Э. Хилл, наблюдая за ними, пришёл к выводу, что «это яд, который уничтожит демократическую революцию» (р. 164). Ему вторил Д. Томпсон, уверенный, что «самое лучшее, что может сделать Россия, это убить Ленина» или, по крайней мере, «харестовать его и поместить в тюрьму». «Если они этого не сделают, я полагаю, что однажды напишу тебе в письме, что этот ублюдок контролирует здесь всё», — писал он жене (р. 166). М. Палеолог характеризовал Ленина примерно в том же духе, подчёркивая, что тот был человеком, ни в чём не знавшим середины: «Утопист и фанатик, пророк и метафизик, чуждый представлению о невозможном и абсурдном, недоступный никакому чувству справедливости и жалости, жестокий и коварный, безумно гордый. В нём... есть черты Савонаролы, Марата, Бланки и Бакунина» (р. 166).

Напрямую указывал на деструктивную роль Ленина Дош-Флеро: «Не прошло и трёх недель, как он вернулся в Петроград, а результаты его деятельности видны на каждом шагу... он обеспечил руководство и управление наиболее жестокими революционерами, которые хотели сами захватить власть». Также «он обеспечил насилие доктриной», которой до того не было (р. 177). По наблюдениям иностранцев, альтернативы этому насилию в конце 1917 г. уже не существовало, в связи с чем некоторые считали за благо захват города немцами. «Знаете ли вы, что в настоящее время Петроград полон немцев (освобождённых военнопленных)?

С важным видом они ходят по улицам, гордые, как павлины. Все русские очень счастливы, что немцы здесь. Говорят, что когда немцы действительно возьмут Петроград, у них появится хоть какой-то закон и порядок, чтобы нормально жить», — писал по этому поводу Ф. Джордан. В другом письме он утверждал: «Нам страшно повезёт, если посол вытащит нас из этого бардака живыми» (р. 301, 314). Очевидно, что настроения иностранной колонии Петрограда, за неполный год совершившие стремительный дрейф от безусловного одобрения революции до страха перед её разрушительными последствиями, сходились и с настроениями части русского общества. Многие до конца не понимали, что же случилось, тем более не знали, что принесёт завтрашний день. И все стремились убежать от этой неопределённости куда угодно и как угодно: русские штурмовали поезда, иностранцы готовили пароходы и даже рассматривали возможность захода в Петроград двух подводных лодок (р. 245–248).

Остаётся только пожалеть, что ни эти, ни какие-либо иные выводы не артикулированы самой Х. Раппапорт. Однако это не лишает её работу познавательного интереса, особенно для российских читателей, имеющих доступ к довольно узкому кругу свидетельств иностранцев о событиях 1917 г.⁴ Книга может также стать полезным путеводителем по архивам, библиотекам и музеям зарубежья, импульсом для каталогизации образов русских и России, бытующих за пределами нашей страны, для изучения динамики этих образов как образов «другого» и их влияния на действительность в более широком, наднациональном контексте.

Примечания

¹ *Rappaport H.* Caught in the Revolution: Petrograd, 1917. L., 2016.

² См., например: *Fell A., Sharp I.* The Women's Movement in Wartime: International Perspectives 1914–1919. L., 2007; *Revolutionary Russia: New Approaches.* L., 2004; *Powell A.* Women in the War Zone: Hospital Service in the Great War. Stroud, 2009; и др.

³ См. об этом: *Харпер Ф.* Неудержимая Россия // Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортёра. М., 2016. С. 11–242; *Битти Б.* Красное сердце России // Там же. С. 243–549; и др.

⁴ См., например: *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России: Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006; *Вильямс А.* Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917–1918. М., 2006; *Локкарт Р.* Буря над Россией: Исповедь английского дипломата. М., 2017; *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2014; *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.